

Раздел 2. Проблемы рецепции и интерпретации
в мировой литературе и культуре

УДК 821.111(73)

doi 10.17072/2304-909X-2022-15-96-102

**СКАЗОЧНЫЕ СЮЖЕТЫ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИИ
В РАНИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ СИЛЬВИИ ПЛАТ**

Екатерина Витальевна Барина

к. филол. н., доцент департамента литературы и межкультурной коммуникации
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12.
kbarinova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9678-3086>

Статья поступила в редакцию 17.10.2022

В своем творчестве Сильвия Плат многократно обращается к мифологическим и сказочным образам. Персонажи, связанные со сказками и народной культурой в целом, не столь многочисленны и возникают преимущественно в раннем творчестве поэтессы. Но даже истории о Золушке, Синей Бороде или принцессе, спускающейся в царство гоблинов, обретают у Плат мифологические ассоциации, превращаясь в своеобразную аллегорию жизни. Через сказочные образы поэтесса пытается преодолеть экзистенциальный страх смерти и психологическую травму, полученную в детстве после смерти отца.

Ключевые слова: Сильвия Плат, «Юношеские стихотворения», сказка, луна, визионер.

Творчество американской писательницы и поэтессы Сильвии Плат крайне разнообразно. На протяжении всей жизни Плат с чрезвычайным интересом относилась к сказкам, читала и перечитывала сборник «Африканские народные сказки» («African Folktales»), и даже написала книгу для детей. Игровая и народная культуры чрезвычайно ее интересовали. В стихах поэтессы встречаются многочисленные аллюзии на сказку братьев Grimm «Белоснежка» (см. стихотворение «Зеркало»). Сильвия Плат была прекрасно знакома с творчеством Шекспира, а среди ее любимых произведений была пьеса «Буря», наполненная волшебными чарами и различными сказочными мотивами (свой последний сборник стихов Плат озаглавила «Ариэль»). В дневниках неоднократно встречаются параллели с миром «Алисы в зазеркалье». При этом необходимо отметить, что сказочные мотивы наиболее часто встречаются в

раннем творчестве Плат, до 1956 года (именно в этом году она встречает своего будущего мужа, английского поэта Теда Хьюза, знакомство с которым стало поворотным моментом не только в ее частной жизни, но и в творчестве). Если мы откроем сборник стихотворений Плат, подготовленный к публикации Тедом Хьюзом, то обнаружим, что большая часть «сказочных стихотворений» попала в раздел «Юношеские стихотворения» («Juvenilia»), где собраны произведения, написанные Плат до знакомства с Хьюзом и причисляемые им к ученическим и незрелым. В предисловии к собранию стихотворений Тед Хьюз пишет, что начало 1956 года стало моментом, определившим дальнейшую поэзию Сильвии Плат [Hughes 1981: 16]. Более того, те оценки более ранних стихотворений, которые все-таки появлялись в тех или иных отзывах и статьях, были преимущественно отрицательными [Axelrod, Dorsey 1997: 76]). Один из немногих примеров внимательного подхода к стихотворениям, написанным до 1956 года, – биография «Метод и безумие», опубликованная Эдвардом Бутчером в 1976 году, еще до того, как широкой публике стали известны многие стихотворения, а также письма и дневники Плат. В целом Бутчер дает высокую оценку ранним стихотворениям Плат, подчеркивая, однако, значительное влияние У. Х. Одена и тот факт, что рассматриваемые стихотворения получились «”Оденовскими” как по тону, так и по структуре» (перевод мой – Е.Б.) [Butcher 2003: 92].

К сожалению, при подготовке русского перевода сборника эти ранние стихотворения постигла еще более печальная участь, и из 50 стихотворений, включенных в раздел «Juvenilia» Тедом Хьюзом, в русском издании мы обнаружим только 15. Зарубежные исследователи творчества Сильвии Плат, как правило, также оставляют ранние стихотворения поэтессы без внимания. Так, в наиболее подробной биографии Плат, опубликованной в 2020 году и насчитывающей почти 1000 страниц, стихотворения, о которых пойдет речь в данной статье, даже не упоминаются [Clark 2000]. Однако именно в этих ранних стихотворениях, возможно, голос Плат звучит наиболее чисто. Она еще открыта сказке, хотя сказочные мотивы переосмысляются и обретают несказочную смысловую и ассоциативную нагрузку. Позже на смену сказочным персонажам придут образы, заимствованные из мифологии или более серьезной, «взрослой» литературы.

В статье речь пойдет о сказочных мотивах в нескольких стихотворениях из раздела «Juvenilia»: «Cinderella» («Золушка»), «Bluebeard» («Синяя борода») и «The Princess and the Goblins» («Принцесса и гоблины»). Из перечисленных стихотворений только «Золушка» вошла в

русскоязычное «Собрание стихотворений», поэтому в статье я даю собственный перевод всех трех стихотворений, представляющий собой, скорее, подстрочник, что позволяет анализировать именно образы и смыслы, возникающие у Плат, не искаженные художественным переводом.

Первое стихотворение, «Золушка», представляет собой сонет из трех катренов и заключительного двустушия. При этом катрены не являются синтаксически завершенными предложениями, фраза продолжается в следующем четверостишии, образ кружения в танце продолжается и усиливается на синтаксическом уровне (к сожалению, в опубликованном переводе на русский язык В. Бетаки этот эффект пропадает, каждое четверостишие завершается безапелляционной точкой). Подстрочный перевод первой половины стихотворения можно представить следующим образом: «Принц наклоняется к девушке на алых каблуках, / Ее зеленые глаза смотрят в сторону, волосы развеваются в веселье / Серебра, когда рондо замедляется; теперь мелодия / Начинается с наклоненных скрипок, чтобы охватить / Весь вращающийся высокий стеклянный дворцовый зал / Где гости скользят, растворяясь в свете, как вино; / Розовые свечи мерцают на сиреновой стене, / Отражаясь в блеске миллионов кувшинов, / И скользили пары, все в кружащемся трансе <...>» [Plath 1981: 303-304].

Обращает на себя внимание цветовая насыщенность стихотворения, что является отличительной особенностью поэзии Сильвии Плат. В юности перед ней стоял выбор: стать художницей или же посвятить себя поэзии. Выбор был сделан, однако рисовать поэтесса не бросила, а тонкость цветного восприятия повлияла на своеобразие ее поэзии (и не только поэзии, внимание к цвету мы увидим в письмах и дневниках, а также прозаических произведениях Плат).

Финал стихотворения в корне отличается от всем известного счастливого завершения сказки. В стихотворении возникает смутное предчувствие, ощущение чего-то неотвратимого, девушка замирает, бледная и «охваченная чувством вины» («Guilt-stricken» [Plath 1981: 304]). Чувство вины – сквозной мотив творчества Сильвии Плат, где вина личная тесно переплетается с ощущением вины исторической (Плат никогда не забывает свои немецкие корни). Однако существуют и иные трактовки образа лирической героини. Так, Стивен Аксельрод видит в стихотворении освобождение женщины от гнета стереотипов: «Главная героиня-аутсайдер освобождается от женского стереотипа, приобретая больше в своей обособленности, чем она теряет, отказываясь от места в социуме и чувственного удовлетворения» (перевод мой – Е.Б.) [Axelrod 2006: 75].

В завершающем куплете, сквозь шум музыки, которая становится суматошной, утрачивая мелодичность (*hectic*), и разговоры за коктейлями «странная девушка» слышит «едкое тиканье часов» («*She hears the caustic ticking of the clock*») [Plath 1981: 304]. Таким образом, ожидание, создающееся названием стихотворения, разрушается в финальной строке.

Стихотворение «Синяя борода» – одно из самых коротких у Плат. Из 8 строк 3 представляют собой рефрен: «Я отправляю обратно ключ» [Plath 1981: 305]. Если «Золушка» дает взгляд со стороны, ощущения некоего наблюдателя, где для передачи нужной эмоции Плат прибегает к третьему лицу, то здесь перед нами – повествование от первого лица. В сказку о Синей Бороде врывается научно-технический прогресс, в темных глазах Бороды лирическая героиня видит «рентгеновский снимок своего сердца» («*my X-rayed heart*») [Plath 1981: 305].

Итак, перед нами размышления и впечатления потенциальной жертвы. Образы стихотворения, как и желания лирической героини, смутны, противоречивы и тревожны. С одной стороны, мы узнаем, что она уже попала в комнату Синей Бороды при помощи ключа, который она теперь хочет вернуть. В оригинале мы читаем: «*I am sending back the key / that let me into bluebeard's study*» [Plath 1981: 305]. Прошедшее время глагола «*let*» не оставляет сомнения в случившемся. Стихотворение имеет кольцевую композицию, и эти строки как открывают, так и завершают его. Остается непонятным местонахождение лирической героини: хочет ли она вернуть ключ и забыть обо всем, покинув комнату Синей Бороды, или же она остается внутри и умышленно лишает себя какого-либо шанса выбраться.

Интересно, что, говоря о намерениях Синей Бороды, героиня использует выражение «заниматься любовью» («*make love*»): «*<...> because he would make love to me / I am sending back the key <...>*» [Plath 1981: 305]. Непонятно, хочет ли героиня избежать этого или же, напротив, возвращает ключи и отдает себя в руки мужчины («*he*»). Само действие описывается не как насилие, а как акт любви. При этом лирическая героиня осознает всю опасность, исходящую со стороны мужского персонажа, и в «темной комнате» его глаз, помимо рентгеновского снимка сердца, она видит расчлененное тело: «*dissected body*» [Plath 1981: 305]. В стихотворении возникает образ женщины, которая достигает глубинного понимания себя именно через общение с мужчиной (видит свое сердце в его глазах), но обречена на гибель от руки этого мужчины. Если мы вспомним факты биографии поэтессы – ее брак с английским поэтом Тедом Хьюзом, его колоссальное влияние и даже

власть над женой, последующую измену, отчаяние Плат – стихотворение это можно назвать пророческим.

Третье стихотворение, о котором пойдет речь в статье, – «Принцесса и гоблины». Книга для детей «Принцесса и гоблин» Джорджа Макдональда увидела свет в 1872 году. В последствии история многократно переосмыслялась другими авторами, гоблины были то злыми, то добрыми и незаслуженно угнетаемыми, менялись акценты и оценки. Плат берет известную фабулу и предлагает свое видение описанных в сказке событий. На этот раз перед нами пространное стихотворение, написанное пятистопным ямбом, состоящее из 24 строф, по форме наиболее приближенных к терцине. С точки зрения формы стихотворение нельзя назвать новаторским, однако в плане содержания Сильвия Плат привносит в историю много личного. Яркий пример подобной трансформации – замена призрака прабабушки, фигурирующей в сказке и помогающей героям залечивать раны, на образ луны. В стихотворении Плат принцесса поднимается по «призрачной лестнице к луне, // чья святая синева смазывает ее раненую руку» [Plath 1981: 333].

Луна и дальше помогает принцессе, которая ищет путь к похищенному гоблинами юноше, полагаясь не только на волшебную нить, завязанную вокруг ее запястья, но и на лунный свет: «Initiated by the lunar lamp» [Plath 1981: 333]. Здесь в стихотворении возникает мотив инициации, перехода. Образ воображаемой лестницы, ведущей к луне, тем более интересен, что фактически девушка движется вниз, в подземный мир гоблинов. Однако для нее это движение вниз – путь к обретению себя и возлюбленного, путь вверх. Луна будто благословляет героиню, после чего принцесса погружается в темноту: «Ведомая только рывками и подергиваниями / этой подвижной нити, девушка спускается / по лестнице, которая становится все темнее и темнее» [Plath 1981: 334]. Эти строки открывают вторую часть стихотворения (всего их три). В середине второй части вновь возникает луна, готовая скрыться за горизонтом.

Образ луны – один из центральных в поэзии Плат как в ранних произведениях, так и в поздних, зрелых стихах. В рассматриваемом стихотворении слово «луна» встречается три раза. При этом она становится центральным элементом, системообразующим стержнем картины. Впервые образ «белой богини» (the white goddess) появляется в дневниковой записи Плат от 20 июля 1957 года, где она рассуждает о влиянии Вирджинии Вулф на собственное творчество и видение героини, которая должна быть «a bitch, the white goddess» («стервой, белой богиней») [Plath 2001: 289]. Белая богиня – не что иное, как луна, а само сочетание

«the white goddess» говорит о знакомстве Сильвии Плат на момент написания рассматриваемого стихотворения с работой Роберта Грейвса «Белая богиня». С лунной в сказочный сюжет проникают личные переживания Плат.

Если в лунном мире второй части принцессе почти удастся освободить «шахтера» из подземелья, и она «ведет его домой, чтобы он стал ее избранным рыцарем», то в заключительной третьей части на смену луне всходит солнце, часто ассоциирующееся в поэзии Плат с мужским началом. Спутник принцессы отказывается поклониться природе, «великой богине воздуха»: «Громко смеясь, ослепленный мальчик спрашивает, / почему он должен становиться на колени перед глупой сценой, / где голуби прогуливаются по фронтонам <...>» [Plath 1981: 334]. Слепота и дерзость мужского персонажа, который из шахтера во второй части превращается в мальчика, капризного ребенка в третьей, разрушают волшебство и сводят на нет все усилия принцессы. Как и в стихотворении «Золушка», в финале стихотворения «Принцесса и гоблины» перед ребенком и читателем возникают часы, не сулящие ничего хорошего, циферблат, «от которого стынет королевская кровь» [Plath 1981: 334]. В «сказочных» стихотворениях Сильвии Плат нет никакой надежды на счастливую развязку.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что сказочные образы в поэзии Сильвии Плат осложняются поиском идентичности. Пытаясь разобраться с собственной идентичностью, поэтесса постоянно ищет двойников как в реальной жизни, так и в литературных произведениях. Ища пути преодоления страха перед жизнью и смертью, Сильвия Плат обращается к сказочным образам, стремясь снять мучившие ее вопросы и преодолеть неуверенность и тревожность, преследовавшие поэтессу после смерти отца. Создается впечатление, что она пытается вернуть детство, разрушенное этой глубоко переживаемой трагедией.

Список литературы

- Axelrod S., Dorsey N.* The Drama of Creativity IN Sylvia Plath's Early Poems // Pacific Coast Philology. Vol. 32. No. 1. Penn State University Press, 1997. P. 76–86.
- Axelrod S.* The Poetry of Sylvia Plath // The Cambridge Companion to Sylvia Plath. Cambridge University Press, 2006. P. 73–89.
- Butscher E.* Sylvia Plath: Method and Madness. A Biography. Schaffner Press Tucson, 2003. 408 p.
- Clark H.* Red Comet. The Short Life and Blazing Art of Sylvia Plath. Vintage, 2020. 1118 p.
- Hughes T.* Introduction // Plath S. Collected Poems. Ed. Ted Hughes. New York: Harper and Row, Publishers, 1981. P. 13–17.

Plath S. Collected Poems. Ed. Ted Hughes. New York: Harper and Row, Publishers, 1981. 351 p.

Plath S. The Journals (1950 – 1962). Ed. by Karen V. Kukil. London: Faber and Faber, 2001. 732 p.

FAIRY-TALE PLOTS AND THEIR TRANSFORMATIONS IN SYLVIA PLATH'S EARLY POEMS

Ekaterina V. Barinova

Candidate of Philology, associate professor of Department of Literature and Intercultural Communication

National Research University «Higher School of Economics»

603155, Russia, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pecherskaya str., 25/12.

kbarinova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9678-3086>

Submitted 17.10.2022

In her work, Sylvia Plath repeatedly refers to mythological and fairy-tale images. The characters associated with fairy tales and folk culture in general are not so numerous and arise mainly in the early work of the poetess. But even stories about Cinderella, Bluebeard or a princess descending into the goblins' kingdom acquire mythological associations, turning into a kind of allegory of life. Through fairy-tale images, the poetess tries to overcome the existential fear of death and the psychological trauma received in childhood after the death of her father.

Key words: Sylvia Plath, «Juvenilia», fairytale, moon, visionary.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Баринова Е. В. Сказочные сюжеты и их трансформации в ранних стихотворениях Сильвии Платт // *Мировая литература в контексте культуры.* 2022. № 15 (21). С. 96–102. doi 10.17072/2304-909X-2022-15-96-102

Please cite this article in English as:

Barinova E. V. Skazochnye syuzhety i ih transformacii v rannih stihotvoreniyah Sil'vii Platt [Fairy-Tale Plots and their Transformations in Sylvia Plath's Early Poems]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture], 2022, issue 15 (21), pp.96–102. doi 10.17072/2304-909X-2022-15-96-102